

Борис Костин

ГЛЕБ КОТЕЛЬНИКОВ

Борис Костин
Глеб Котельников

«Костин Борис Акимович»

2012

Костин Б. А.

Глеб Котельников / Б. А. Костин — «Костин Борис
Акимович», 2012

ISBN 978-5-9902354-3-4

Издание этого альбома, посвященного русскому изобретателю-самоучке Глебу Евгеньевичу Котельникову, было бы невозможно представить без моральной и финансовой поддержки близких мне по духу и мыслям людей: Л. Г. Аршинова, В. А. Заставенко, В. М. Мясникова, А. И. Насалчука, А. С. Рахманова, И. И. Сапрыкина, Ю. М. Рудского, И. В. Фрезе и других. Сердечная им благодарность.

ISBN 978-5-9902354-3-4

© Костин Б. А., 2012

© Костин Борис Акимович, 2012

Содержание

Борис Акимович Костин	6
Слово автора	7
Не хлебом единым	8
На театральных подмостках	21
История одного изобретения	42
Парашютное дело	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Борис Акимович Костин Глеб Котельников

© Костин Б. А., 2012

* * *

Борис Акимович Костин

Родился в 1943 году. Выпускник Рязанского высшего воздушно-десантного училища (1967). С 1962 по 1989 год служил в Вооруженных силах СССР на различных командных и штабных должностях. Воин-интернационалист. Награжден медалями «За безупречную службу» III, II и I степеней; наградами министра обороны СССР; командующего ВДВ; Комитета ветеранов воинской службы РФ; «За многолетнюю работу по патриотическому воспитанию молодежи». Член Союза писателей (1991). Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2004). Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2009). Лауреат литературной премии имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова (2009). Лауреат Всероссийской православной литературной премии имени Александра Невского (2009).

Слово автора

Исполнилось полвека с того дня, когда я совершил свой первый парашютный прыжок. Стоял морозный солнечный декабрь. Лебедка, натружено гудя, подняла в воздух аэростат, казавшийся огромной рыбиной с блестящей чешуей. С высоты птичьего полета Ленинград расстился словно на топографической карте – покрытая льдом Нева, реки, каналы, городские кварталы, людская суeta суeta... Картина впечатляющая и захватывающая дух.

Команда аэронавта «Приготовиться!» взорвала безмолвную тишину. По ранжиру или, как надо мной подшучивали друзья, «по весу и жиру» я прыгал первым. Хорошо помню щемящее сердце чувство высоты, несколько секунд в свободном падении и несказанная радость при виде над головой спасительного четырехгранника ПД-47.

В парашютном кружке питерского ДОСААФ нас, призывников так называемого Карибского кризиса, готовили основательно и серьезно. Тогда-то я впервые услышал фамилию Котельникова. Человек по натуре любознательный, распевавший куплеты «В небе болтаются толпы бездельников, что ж ты наделал, товарищ Котельников?», я был немало удивлен скудостью сведений об изобретателе первого в мире ранцевого парашюта – одна-две небольшие книжицы, слабый по художественному исполнению плакат, зафиксировавший историческое событие, которое произошло 6 июня (19 июня н. ст.) 1912 года на поле Воздухоплавательного парка.

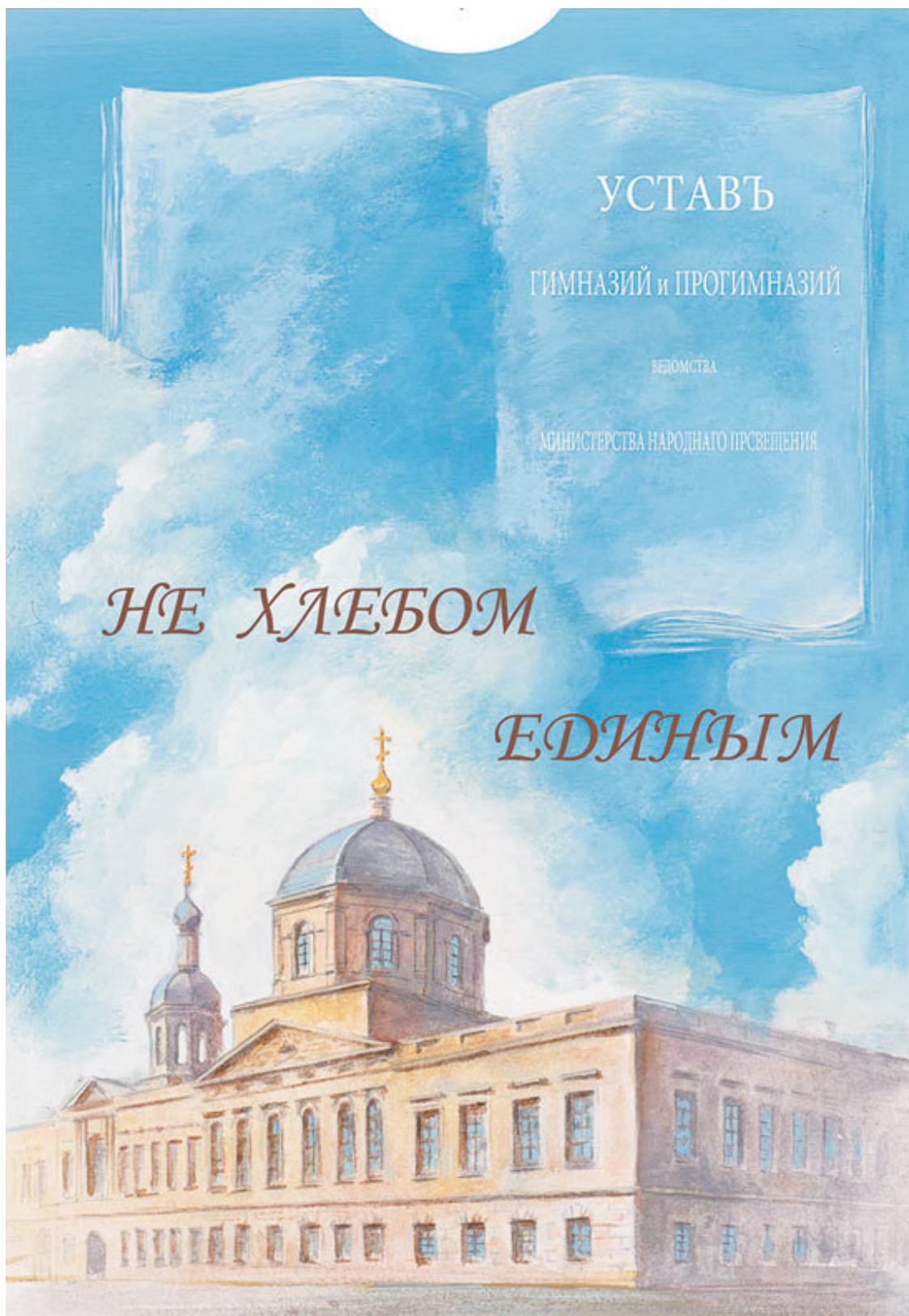
С 1949 года деревня Салюзи близ Гатчины, где проходили испытания парашюта РК-1 (русского, Котельникова), стала носить имя Глеба Евгеньевича Котельникова, петербуржца по рождению, уникального по разнообразию дарований человека.

Сегодня невозможно представить, как без изобретений Котельникова существовали бы авиация, космонавтика и, конечно, Воздушно-десантные войска, которым я многим обязан в своей жизни, в том числе и в творчестве.

Я немало передумал, прежде чем выстроить структуру альбома, поскольку разносторонняя деятельность Глеба Евгеньевича Котельникова в таких несовместимых, казалось бы, сферах, как музыка и техника, театр и парашютизм, не укладывается в прокрустово ложе классических жизнеописаний, и потому предлагаю читателю вариант, который воочию подтверждает пророчество великого русского ученого М. В. Ломоносова о том, что «может собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов Российская земля рождать».

*Ветеран Вооруженных Сил СССР заслуженный работник культуры РФ
Борис Костин*

Не хлебом единым

Прежде чем начать жизнеописание главного героя нашего повествования, Глеба Евгеньевича Котельникова, обратимся к «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, прочитаем

определение, которое соответствует слову «род», и при всем многообразии производных от него слов выберем главное: «Род поколений, происходящих от одного предка... Вести свой род от кого-либо, это у нас в роду... Родословная – перечень поколений одного рода, устанавливающий происхождение и степень родства».

Евгений Григорьевич Котельников, отец изобретателя.

Отец изобретателя, Евгений Григорьевич Котельников, родился в 1843 году в Полтаве в семье учителя математики. Окончив Полтавский кадетский корпус, он в 1861 году поступил в Харьковский университет на физико-математический факультет, по окончании которого серьёзно занялся научными исследованиями. Их результатом стала диссертация «О действии света на материю вообще и о некоторых случаях этого действия в особенности». Работа получила одобрение и Евгений Григорьевич стал кандидатом Харьковского университета. Эта ученая степень позволила отцу изобретателя остаться при университете и готовиться к магистерскому экзамену. Летом 1868 года Евгений Григорьевич вместе с женой Екатериной Ивановной и сыном Борисом, которому исполнилось два года, приезжает в Петербург и становится преподавателем механики в Земледельческом¹ и Технологическом институтах. После пяти лет пребывания в столице Российской империи осенью 1873 года семья Котельникова переехала в Херсон, где открылось первое в России земское сельско-

¹ Земледельческий институт – ныне Лесотехническая академия.

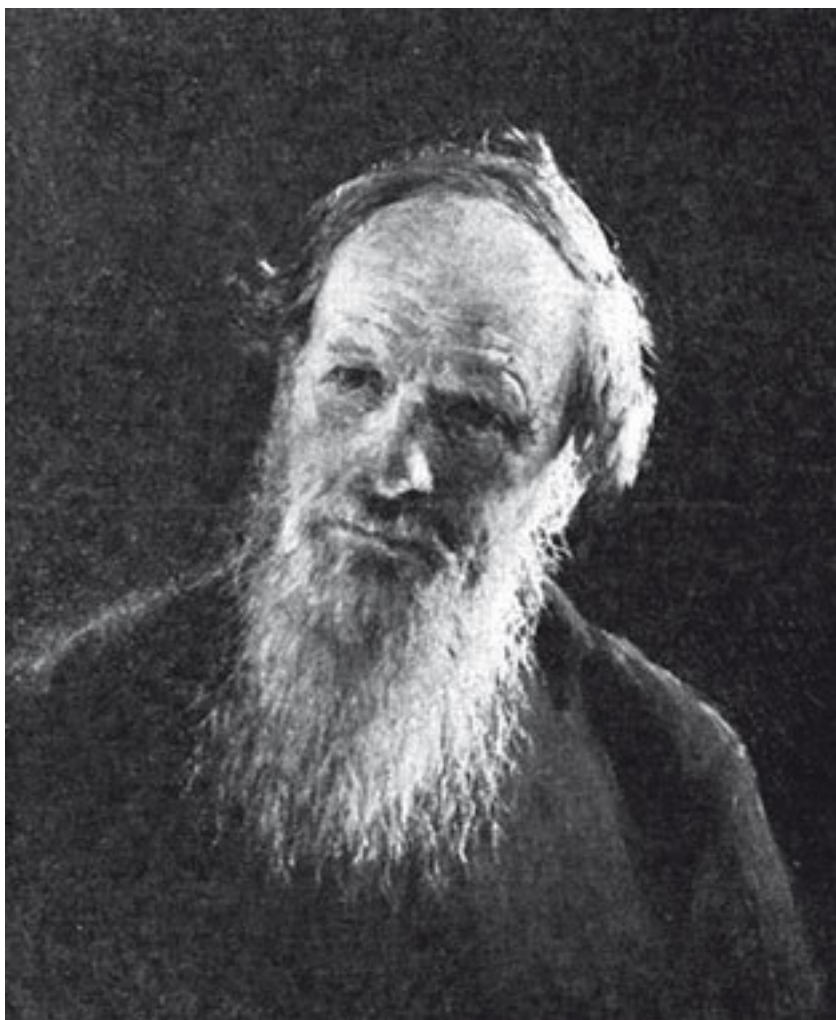
хозяйственное училище. Затем последовали переезды в Минск, Вильно, Житомир. В этих городах Е. Г. Котельников занимал должность директора учительских институтов.

Виды Полтавы конца XIX века. Сверху на переднем плане – Полтавский кадетский корпус.

Отец изобретателя, судя по отзывам современников, отличался порывистостью характера, разносторонностью интересов. И эти черты, словно по наследству, передались его сыну Глебу. Осенью 1883 года Котельниковы возвращаются в Санкт-Петербург.

Мать изобретателя Екатерина Ивановна, в девичестве носившая фамилию Зайцева, родилась в 1839 году в семье крепостного, наделенного недюжинным художественным даром и памятью. Душевладелец, которому принадлежал Иван Зайцев, приметил юношу и отдал на обучение в Императорскую Академию художеств. По окончании учебы Иван обосновался в Полтаве, получил вольную и стал преподавать рисование в Полтавском кадетском корпусе.²

Дед Глеба Котельникова Иван Кондратьевич Зайцев (1805–1890).

Екатерина Ивановна, унаследовав от отца отменный художественный вкус, превосходно играла на фортепиано, обладала мелодичным голосом. Как вспоминал старший брат Глеба Борис Котельников, «Мама большую часть времени посвящала нам и напевала иногда целыми вечерами. Вероятно оттого у нас всех хороший слух и большая любовь к музыке и пению».

Где бы ни находилась семья Котельниковых, в их доме постоянно звучала музыка, а дети увлеченно устраивали театральные представления. Небольшой любительский оркестр, в котором первую скрипку играл Глеб, собирал порой солидную аудиторию. Дамы и господа, не жалея ладоней, аплодировали юному музыканту, исполнявшему сложнейшие сольные партии.

² И. К. Зайцев продолжительное время являлся крепостным пензенского помещика Ранцева. Работы художника и по сей день можно видеть в Русском музее Санкт-Петербурга, музеях Полтавы и Киева.

Екатерина Ивановна Котельникова с сыновьями Глебом, Евгением и Борисом (слева направо).

Известность домашнего оркестра, который пополняли родные и знакомые Котельниковых, вскоре перешагнула порог их квартиры. Оркестрантов стали приглашать «на гастроли». Известно, что оркестр дважды выступал в Благородном собрании на Охтинских заводах.

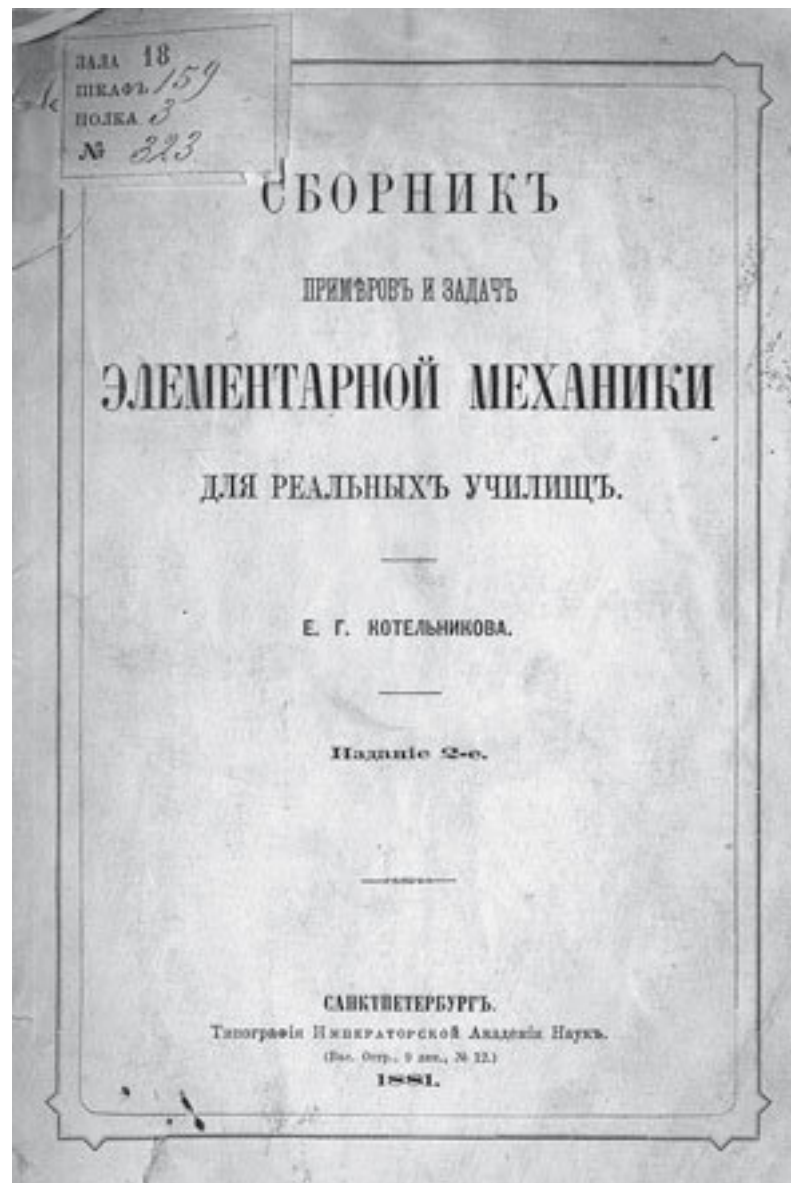
Квартира Котельниковых находилась в доме на углу улиц Ивановской и Кабинетной³. Можно сказать, Глебу повезло – напротив дома располагалась одна из старейших столичных гимназий или Благородный пансион, как она именовалась в год своего основания (1830). Устав гимназии неоднократно претерпевал изменения, но его смысл от этого не менялся. Цель образования – «доставление средств приличного воспитания для детей без различия званий и исповедования родителей и снабжение их необходимыми предварительными знаниями для поступления в университеты или другие высшие училища». Среди тех, кто прославил Первую классическую гимназию, мы находим имена Н. Н. Герарда – обер-прокурора Священного Синода, члена Госсовета; В. Г. Жуковского – видного русского дипломата и генконсула в Иерусалиме; А. Н. Бекетова – ректора Санкт-Петербургского университета, основателя научной школы ботаников и географов; выдающегося математика М. В. Остроградского; академика В. И. Вернадского; композитора А. Н. Серова; издателя журнала «Современник» И. И. Панаева; писателей и публицистов В. В. Крестовского и П. П. Гнедича.

³ Ныне улицы Социалистическая и Правды.

Братья Котельниковы – Борис, Евгений и Глеб (со скрипкой). Сентябрь 1886 года.

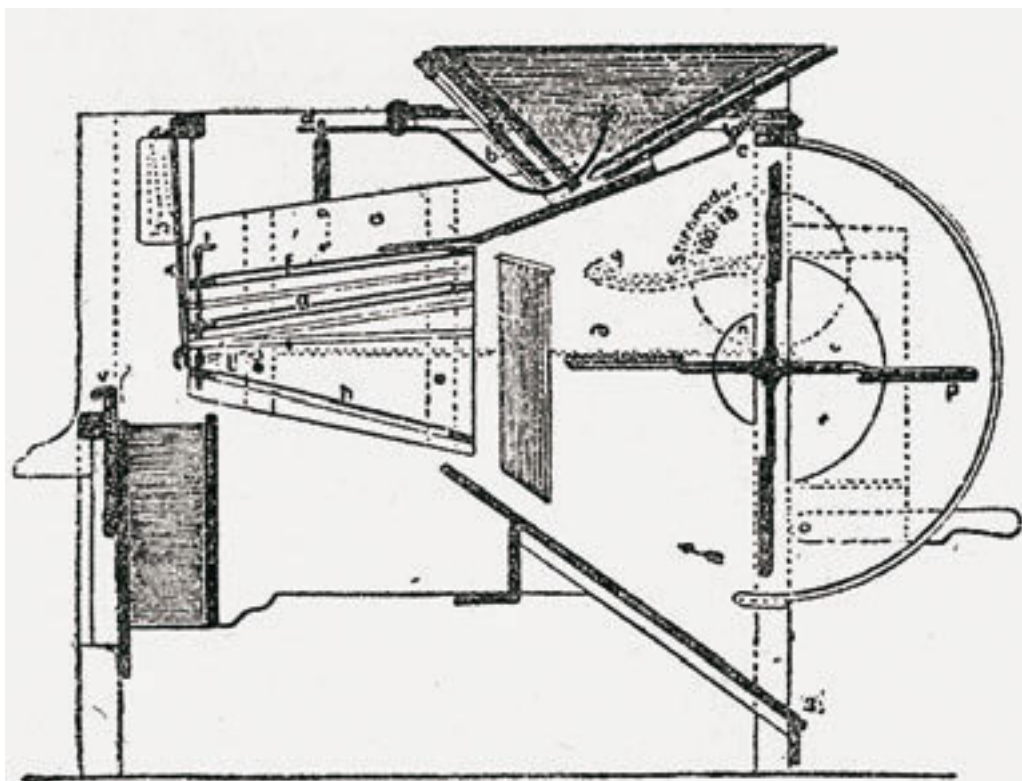
Вѣялка Евг. Котельникова.

Если разсматривать существующія до сихъ поръ системы вѣяльныхъ машинъ съ научной стороны дѣла, то легко замѣтить въ нихъ весьма важные механическіе недостатки, слѣдствіемъ которыхъ является увеличеніе расхода движущей силы, при неудовлетворительности работы; говоря короче, полезное дѣйствіе вѣялокъ весьма не велико.

Недостатки, отъ которыхъ зависятъ малость полезнаго дѣйствія вѣялокъ, главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Неправильность формы барабана и крыльевъ. Форма барабана, равно какъ число и форма крыльевъ, имѣютъ громадное вліяніе на величину живой силы воздуха, выходящаго изъ крылача и непосредственно передающаго работу отвѣваемому хлѣбу. На это же обстоятельство оказываютъ большое вліяніе и величины входнаго и выходнаго отверстій.

2) Въ существующихъ ручныхъ вѣялахъ, приѣмникъ и передача, вообще говоря, не правильны. Рукоятки или бываютъ слишкомъ коротки, или же ось ихъ вращенія помѣщается на ненадлежащей высотѣ для того, чтобы передача работы челоуѣка совершалась при выгодныхъ условіяхъ. Передача бываетъ обыкновенно простая, при слишкомъ боль-

Учитывая отменную подготовку Глеба, его приняли в число «своекоштовых» учащихся во второй класс. Достаточно перечислить предметы, которым обучали отроков в Первой Санкт-Петербургской гимназии, и станет ясно, что название «образцовая» учебное заведение носило не напрасно. Глеб Котельников получил основательные знания:

- по русскому языку и словесности (литературе),
- по латинскому и греческому языкам,
- по французскому и немецкому языкам,
- по зарубежной и русской истории,
- по географии,
- по физике и математике,
- по логике и Закону Божьему.

Церковь при 1-й Санкт-Петербургской гимназии.

В дополнение к предметам, формирующим личность, в гимназии в старших классах офицеры обучали юношей фронтовой службе, ведь после окончания им предоставлялась возможность поступить в военные училища.

Гимназисты соперничали между собой не только в знаниях, но и в умении выступать на сцене и петь в хоре, легко и непринужденно выделять сложнейшие па мазурки, а к концу обучения многие из них отменно владели навыками рисования.

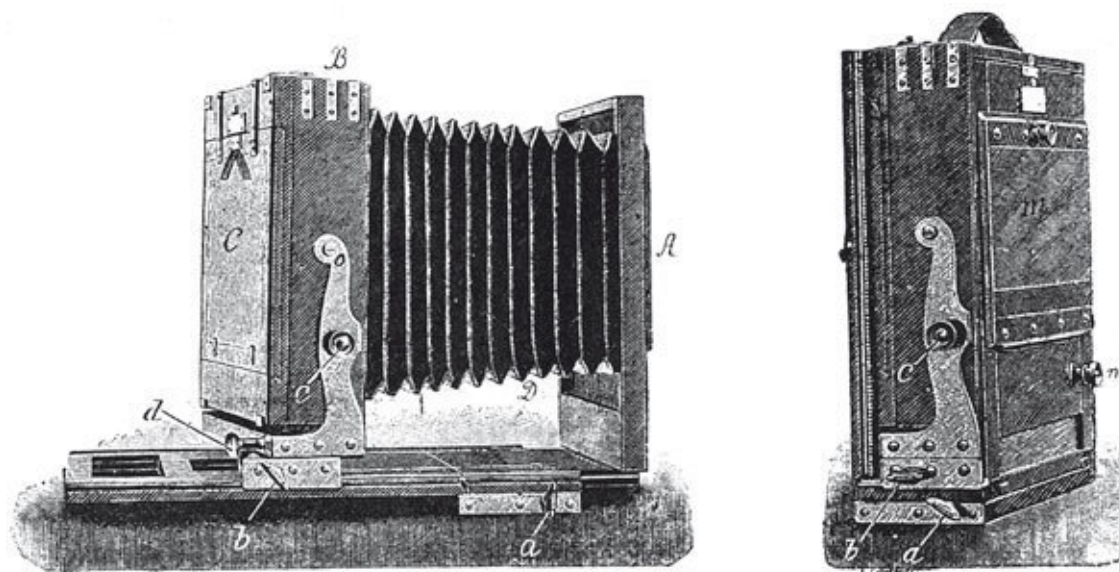
...С чего начинается творец? Ответим: с замысла, с идеи. В мальчишестве же – с обычного любопытства, с желания докопаться до сути действия того или иного механизма, прибора, изготовления собственноручных поделок и... незлобивой родительской ругани, когда предметом исследования становится дорогая и крайне необходимая вещь.

Евгений Григорьевич Котельников был увлечен фотографией или, как говорили в то время, светописью. Обладателями дорогостоящих фотографических камер являлись либо профессионалы, либо люди, увлеченные новинками, ибо в тогдашнюю моду стали входить семейные фотоальбомы. Евгений Григорьевич поощрял тягу сына к технике и был немало удивлён, когда его ученик самостоятельно разобрал и собрал предмет его гордости, а затем из подручных материалов соорудил собственную фотокамеру и продемонстрировал ее в действии. Пришлось купить сыну настоящий фотоаппарат и основательно заняться обучением фотографии. Весомым подспорьем для юноши стали отцовские книги и литература по про-

фессиональной фотосъемке. О том, что эта мудрёная наука чрезвычайно пригодилась Глебу в жизни, свидетельствуют многочисленные фотографии, сделанные им.

В 1889 году Котельниковы покинули Петербург. Евгений Григорьевич получил назначение на должность управляющего акцизными сборами в Полтавской губернии. Но неожиданно он заболел, стал чахнуть. Врачи обнаружили у него отёк легких. 22 декабря 1889 года в возрасте 46 лет Евгений Котельников скончался.

Со смертью отца мечты об учебе в консерватории или Технологическом институте пришлось отбросить. Пенсии, назначенной Екатерине Ивановне Министерством финансов, едва хватало на скромное существование.

Конструкция фотокамеры конца XIX века.

На театральных подмостках

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слову «призвание» соответствует такое определение: «Природное расположение, наклонность, дарование, предопределение... Счастлив человек, могущий следовать своему призванию».

В этих сакраментальных строках – весь Глеб Котельников: энергичный, увлечённый и готовый без малейших колебаний круто изменить свою судьбу.

В начале 1900 года Глеб Котельников назначается представителем акцизного ведомства в Каменскую, одну из крупнейших станиц Войска Донского.

В Каменской, которая располагалась на правом берегу Северного Донца, проживало 26 тысяч жителей. В станице имелись две православные церкви, училище имени Александра Второго, окружное училище; успешно и с прибылью работали семь перерабатывающих заводов, рачительно велось войсковое хозяйство, доходы которого ежегодно составляли более миллиона рублей.

Одна из центральных улиц станицы Каменской Войска Донского – Донецкий проспект.

Выявлять торговцев, не брезговавших продажей горячительных напитков из-под полы, регулярно объезжать винные лавки, трактиры и прочие питейные заведения – вот далеко не полный перечень обязанностей Котельникова. А ещё бесконечный поток бумаг, отчетов, донесений... О том, что Глеб Евгеньевич относился к службе как к повинности, свидетельствуют отзывы начальства: «Трактирные и казённые лавки посещает не часто; служебная деятельность Котельникова в текущем году крайне слабая».

И уж совсем «из рук вон», по понятиям уездного городка, выходящее за рамки приличия поведение: «Интересы его (Котельникова. — Б. К.) отличны от интересов остальных лиц акцизного надзора... и он не принимает участия ни в карточной игре, ни в ужинах...»

Однако в любительском театре, который существовал в Каменской под попечительством казачьего круга, не проявлявший служебного рвения акцизный чиновник Котельников буквально преобразился. Нашлось дело и для Юлии Васильевны, сердце которой билось в унисон мужнину. Супруги, бесконечно влюбленные в искусство, сотворили невозможное, придав помещению театра, напоминавшему скорее балаган, нежели храм Мельпомены, достойный вид. Силами труппы был произведен ремонт, расширена сцена, которую открывал красочный занавес, расписанный Юлией Васильевной. По ее же эскизам были сделаны декорации для спектаклей, в которых с неизменным успехом лицедействовал ее муж.

Сибарит Кречинский, главный герой пьесы А. В. Сухова-Кобылина, в исполнении Глеба Котельникова был неподражаем: изворотлив, остроумен. Таким его представил зрителям постановщик. Это был первый режиссерский опыт Котельникова и, как показало время, далеко не последний. Публика, ретивые казаки, не дававшие спуска проходимцам и рвачам, дивились виртуозной изворотливости Хлестакова и надрывали животы от его словесной трескотни. За постановкой гоголевского «Ревизора» последовало воплощение на сцене «Мещан» Максима Горького.

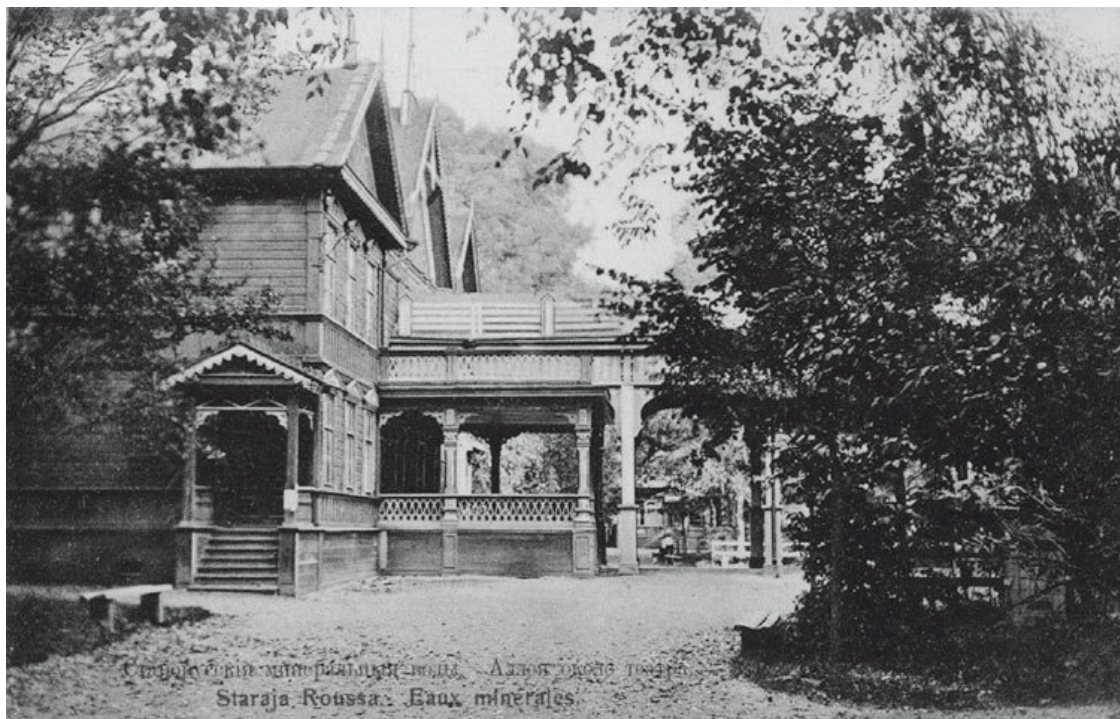
Театральные опыты Глеба Котельникова вызвали гневную реакцию начальства, за которой последовал перевод в отдаленную станицу земли Войска Донского – Усть-Медведицкую⁴. Начальство, видимо, рассуждало следующим образом: «С глаз долой...», но вот со второй половиной поговорки произошел казус – вытравить любовь к театру из сердец супругов Котельниковых не смогла даже ссылка.

⁴ Ныне город Серафимович Волгоградской обл.

Офицерская вечеринка.

Однообразная жизнь в Усть-Медведицкой неожиданно ознаменовалась примечательным событием. В начале мая 1904 года в станицу пожаловала кочующая театральная труппа, или, как она тогда называлась, «товарищество артистов». Возглавлял ее В. М. Гойда. Теперь уже не столь важно, каким образом состоялось знакомство Глеба Котельникова с известным на Дону антрепренером и режиссером, но результат был, как говорится, налицо. Лицом в грязь принятый в профессиональную труппу любитель не ударил и не просто отметился в нескольких спектаклях, но и заслужил уважение у товарищей по сцене самоотдачей и проникновенной игрой.

По инстанции вверх полетел донос, под которым поставил свою подпись окружной акцизный надзиратель: «Имею честь донести, что помощник надзирателя Котельников, несмотря на сделанное ему распоряжение не принимать участия в составе драматической труппы, играющей в местном театре, вновь выступает на сцене, проявив тем нежелание подчиняться распоряжениям начальства».

Форма акцизного чиновника конца XIX – начала XX века.

В народе недаром говорится: «нашла коса на камень». Котельников не был по природе «тюфяком» и, ко всему, внимательно следил за театральной жизнью России, а она в ту пору представляла огромное поле деятельности.

В эти годы на ниве «провинциального театрального дела» началась карьера Константина Николаевича Незлобина, в труппе которого в различные годы играли В. Ф. Комиссаржевский, П. В. Самойлов, М. Ф. Андреев, П. Л. Вульф. Так за К. Н. Незлобиным укрепились слава «открывателя талантов».

Не питая особых надежд, Глеб Котельников всё же написал К. Н. Незлобину и был несказанно обрадован, получив приглашение попробовать свои силы в одной из постановок.

На лето 1905 года незлобинская труппа отправилась в древний город на Новгородчине, Старую Руссу. Режиссером в частной труппе подвизался подававший серьезные надежды К. А. Марджанов, к которому благоволили М. Горький, С. А. Найденов и другие авторы.

К. Н. Незлобин, оценив рвение и любовь к театру Глеба Котельникова, предложил ему роль Сатина в пьесе М. Горького «На дне».

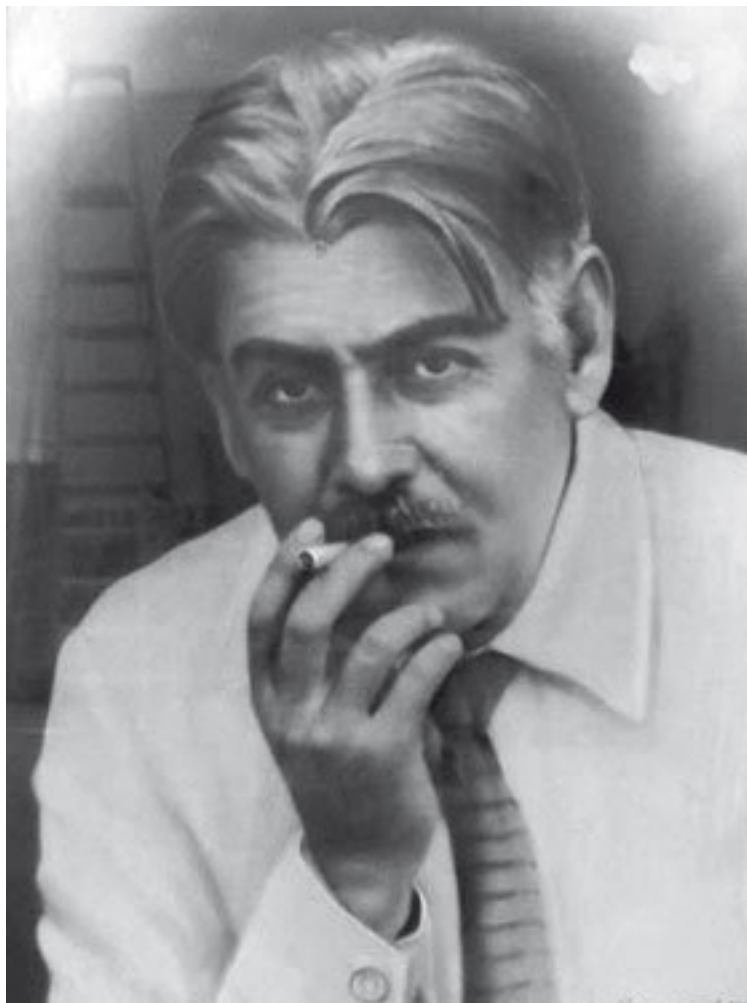
К. Н. Незлобин (Алябьев).

Здесь необходимо сделать небольшую ремарку. На соленые воды в Старую Руссу в летнюю пору съезжались столичные аристократы, дельцы, чиновники – публика требовательная и не прощающая фальши. Дебют Глеба Котельникова был успешным. А далее он сыграл несколько ролей в непритязательных по сюжетам водевилям.

Отпуск, в котором его сопровождала Юлия Васильевна, подошел к концу, а впереди опять ждала беспросветная чиновничья жизнь, в которую вмешалось семейное горе. Не прожив и семи месяцев, умер младенец Юрий, и супруги Котельниковы всеми способами искали возможность изменить обстановку. Случай благоволил Глебу и он получил место акцизного чиновника в Сочи. Государственная монополия существовала не только на горячительные напитки, но и на табак.

В начале XX века Сочи вовсе не был таким, каким он бытует в представлении десятков миллионов людей, побывавших на черноморском побережье Кавказа. Жизнь в южном

городке текла неспешно, а единственным культурным учреждением являлся Народный дом, где собирались любители помузицировать и полицедействовать.

К. А. Марджанов (Котэ Марджанишвили).

Можно без преувеличения сказать, что супруги Котельниковы вдохнули свежую струю в театральное дело, которое шло ни шатко, ни валко. Приведем строки поздравительного «адреса», который был преподнесен Глебу Евгеньевичу товарищами по сцене: «Вы... трудом и громадной энергией много способствовали оживлению нашей сцены. Мы выражаем уверенность, что и в дальнейшем Вы будете таким же энергичным, талантливым и любящим Русскую сцену Артистом».

Супружеский совет был кратким и единодушным: необходимо положить конец служебным метаниям, определить главную цель в жизни и, оставив акциз, ехать в столицу России. Там и только там можно было найти достойное применение своим творческим дарованиям. Немалую роль в принятии такого решения сыграла нелепая смерть дочери Тамары.

...Стрельна, стоявшая на полпути к летней императорской резиденции, Петергофу, привлекала столичных дачников песчаными берегами Финского залива, ухоженностью парков, тянувшихся на несколько километров, возможностью проявить христианское благочестие (Троице-Сергиева пустынь входила в число первоклассных мужских обителей России), предаться всевозможным увеселениям и посещениям летнего театра. По сути это было нечто подобное антрепризе.

Глеб и Юлия Котельниковы с сыном Анатолием и дочерью Тamarой. 1904 г.

Г. Е. Котельников осенью 1910 года, перед поступлением в драматическую труппу Народного дома.

Осенью 1910 года Котельников предпринял успешную попытку и был зачислен в драматическую труппу петербургского Народного дома, полное официальное название которого звучало так: «Заведение для народных развлечений Николая Второго». Царь и его родня действительно жертвенно и сознательно вкладывали немалые средства в народное просвещение, начатое Александром Третьим. Именно по его инициативе с 1880 года в столице Российской империи стали возникать Народные дома, в задачу которых входило просвещение рабочих и ремесленников Санкт-Петербурга. Надо признать, что место для осуществ-

ления грандиозного замысла, строительства Народного дома, было выбрано очень удачно. Александровский парк, расположенный на Петербургской стороне, с незапамятных времен стал любимейшим местом для гуляний простонародья. И летом, и зимой по воскресеньям в парке царила людская сутолока. Над питейными заведениями и площадками с истинно русскими развлечениями: каруселями, качелями, катаньем на лошадях и пр. величественно возвышался роскошный павильон, в котором размещалась Нижегородская художественно-промышленная ярмарка-выставка.

Павильон несколько раз горел, реконструировался, а затем был перестроен для Народного дома. 21 декабря 1900 года в присутствии царственных особ состоялось его торжественное открытие и освящение. На оперной сцене в этот день звучала музыка М. И. Глинки, его бессмертная опера «Жизнь за царя».

«Поучать, развлекая», – так был сформулирован принцип, по которому осуществлялся подбор репертуара оперной и драматической трупп. А. П. Чехов, приветствовавший просветительское начало, в своих пожеланиях шел ещё дальше и предлагал «напирать на декорации», то есть на зрелищность. В этом отношении Народный дом мог дать фору любому столичному театру.

В спектакле «1812 год», посвященном столетию героической эпопеи, было занято около трехсот человек. Здесь было всё: и торжественная встреча М. И. Кутузова, прибывшего к армии, и грандиозная сцена пожара Москвы, и гибель наполеоновской армии в российских снегах, и ранение князя Багратиона, роль которого исполнял актер Глебов-Котельников. Этот псевдоним будет множество раз красоваться на афишах различных театров.

В спектаклях Народного дома Глеб Евгеньевич запомнился в ролях Свидригайлова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского и Марка Волокова в «Обрыве» по одноименному роману Ивана Гончарова. Перечень ролей, сыгранных Г. Глебовым-Котельниковым, можно продолжать до бесконечности, поскольку наш герой не отказывался играть ни в антрепризах, ни в любительских спектаклях, ни в «капустниках». И потому нет ничего удивительного в том, что Глеб Евгеньевич стал себя пробовать в сочинительстве. Только в 1914 году в Санкт-Петербурге вышли: «Миниатюры» (4 пьески), «Осел на водопое», «Загадки царевны Елены Прекрасной», «Жрец Озириса» и «Соблазнительница».

Народный дом. Рисунок Н. Мухранова с фотографии начала века.

В этом месте нашего повествования мы вынуждены нарушить хронологию, поскольку грянула Первая мировая война, затем по России прокатились волны Февральской революции. Поручик Глеб Котельников встал на сторону солдат 3-й запасной автомобильной роты, которая располагалась в Новом Петергофе. В августе 1917 года в Петергофском парке лицедействовали те, кого известный актер и режиссер Г. Глебов-Котельников сумел увлечь идеей создания спектакля «на пользу культурно-просветительских нужд солдат».

Для них был поставлен спектакль по пьесе Софокла «Царь Эдип». Из уст слепого прорицателя Тирезия, роль которого исполнял Глеб Котельников, зрители услышали многое из того, что свершилось в октябре. Октябрьский переворот и Гражданская война надолго прервали его служение Мельпомене.

Г. Е. Котельников – актер драматической труппы Народного дома. 1910 г.

**В Пятницу
8 сентября**

ЗАЛ ПОБЕДЫ РЕВОЛЮЦИИ

**В Пятницу
8 сентября**

Ул. Терцена (б. Морская, 15).

В Пятницу 8 сентября 1922 г.

СОСТОИТСЯ СПЕКТАКЛЬ

при участии и под руководством артиста Государственных театров

Г. Е. Глебова-Котельникова.

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТ:

ГУВЕРНЕР

Комедия в 5-ти действиях В. ДЬЯЧЕНКО.

Роль Жоржа Дорси исп. Г. Е. Глебов-Котельников.

Участвуют (по алфавиту): Г. В. Брауер, К. И. Жегалова, А. Л. Гепнер,
Н. А. Ласточкин, В. Лебедева, Н. Д. Некрасова, О. К. Русанова и др.

Начало в 8 час. вечера.

Предварительная продажа билетов производится с пятницы 1-го сентября в Худож. Арт. Т-ве „Аполлон“ (Невский, 15) с 10—6 ч. веч. ежедневно; в магазин Шредера (Невский, 52) и в день спектакля при входе в зал с 4-х час. дня.

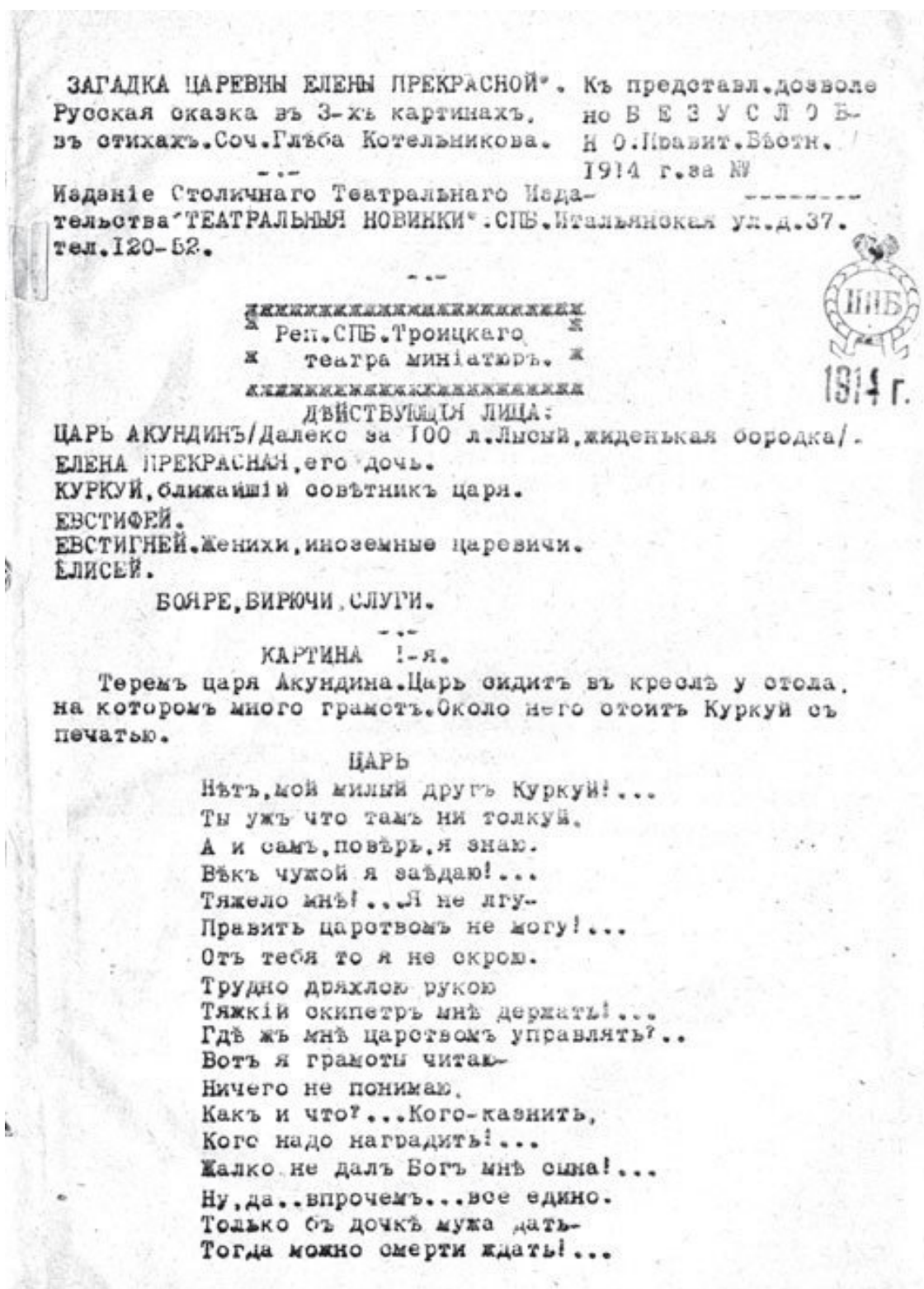
ПРИ ТЕАТРЕ ИМЕЕТСЯ ДЕШЕВЫЙ БУФЕТ

Режисер Г. Е. ГЛЕБОВ-КОТЕЛЬНИКОВ. Отв. распорядитель В. Н. Иванов.

Художеств. часть Н. А. ЛАСТОЧКИН.

Глеб Евгеньевич называл свое служение театральному искусству любимой работой и потому возвратился к ней, как только в Советской стране стала налаживаться мирная жизнь. По чудом сохранившимся афишам мы можем судить, что 8 сентября 1922 года в Петрограде в зале Победы Революции (улица Герцена, д. 15) состоялся комедийный спектакль по пьесе В. Дьяченко «Гувернер» «при участии и под руководством артиста Государственных театров Г. Е. Глебова-Котельникова».

Весной 1923 года в пригороде Петрограда Парголове, где находился театр Гордомпросвета «Прима», Глеб Евгеньевич поставил спектакль «Свадьба Кречинского» и сыграл в нем свою любимую главную роль.

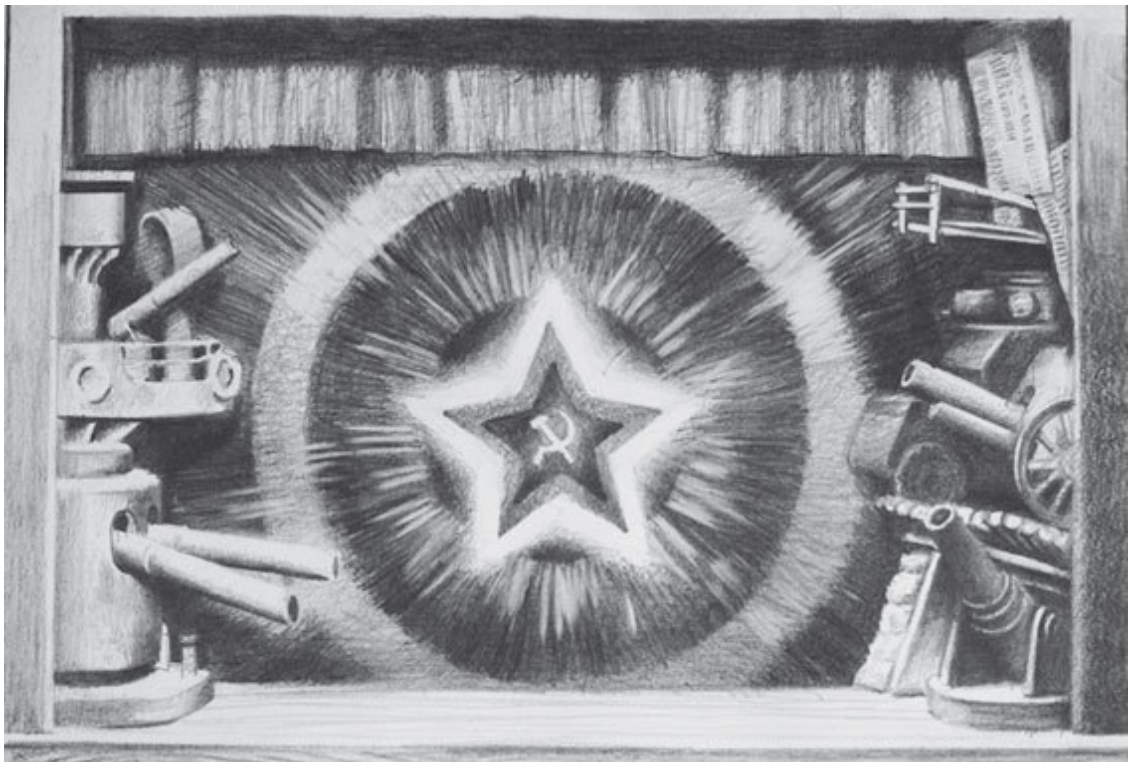
В 1927 году десятилетнюю годовщину Победы Октября было решено отметить грандиозным театральным действием, по примеру тех, которые шли в Народном доме. Называлось оно «Штурм Перекопа». Жанр – «героико-батальное представление», в основу которого были положены реальные события Гражданской войны, разгром армии барона Врангеля в Крыму. Музыку к спектаклю написал композитор Юрий Шапорин.

В журнале «Рабочий и театр» Народный артист СССР Борис Андреев писал:

«Перекоп – это ряд ярких интересных эпизодов. “Даешь Перекоп”, сцены красноармейского отдыха... Удачны вставные частушки... Прекрасно гармонизирован композитором Ю. Шапориным “Интернационал”. В целом спектакль сложный, но выполненный самыми простыми приемами».

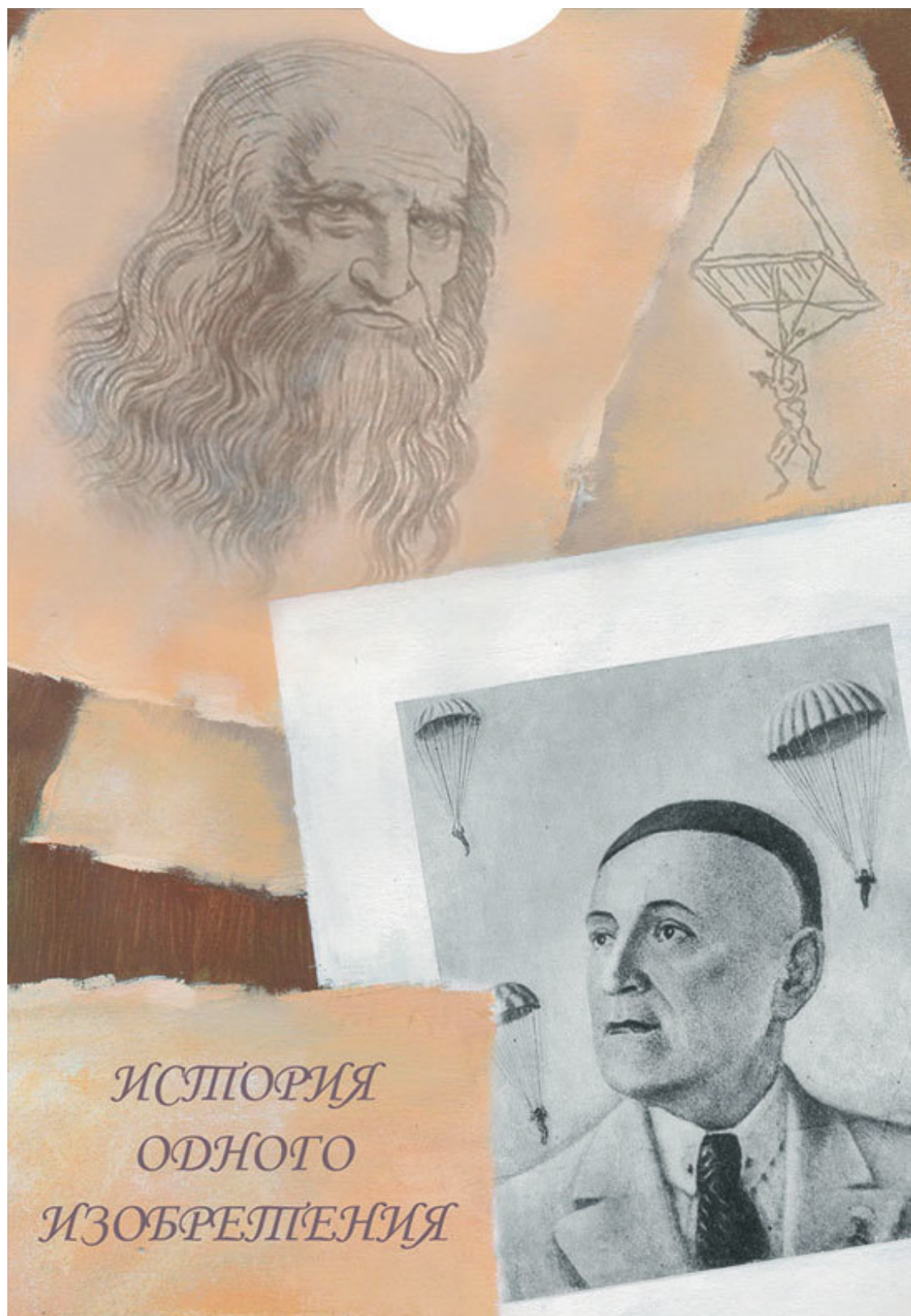
На сцене Академического театра оперы и балета, до революции именовавшегося Мариинским, рядом с Глебом Котельниковым, исполнителем роли духовника барона Врангеля, играли Народный артист Ю. М. Юрьев, заслуженные артисты Ю. В. Корвин-Круковский, Н. Н. Ходотов, Г. Г. Ге. Оперные арии исполняли Народный артист республики И. В. Ершов и заслуженный артист М. В. Бочаров. Роль начдива 51-й дивизии Красной Армии В. К. Блюхера исполнял Л. С. Вивьен.

Оформление сцены спектакля «Штурм Перекопа».

Предполагали ли тогда исполнители, что спустя десять лет многие из тех, кого они так вдохновенно изображали на сцене, будут объявлены «врагами народа», а спектакль, впрочем как и музыка, имевшие необычайный успех, будут преданы забвению?

История одного изобретения

Кто-то из великих однажды промолвил: «Надо из жизни создавать мечту, а из мечты — реальность».

Любому школьнику известен древнегреческий миф о Дедале и Икаре, которые поднялись в небо на крыльях, скрепленных воском. По легенде, Дедал благополучно перелетел через Эгейское море, а вот его сын Икар, увлекшись красочностью полета, близко подлетел к солнцу. Крылья растаяли и отважный покоритель небес погиб. Тем не менее мечта о полете не угасала, и человек, преодолевая страх и риск, на протяжении нескольких веков предпринимал робкие попытки оторваться от земли. Причем сводились они, как правило, к прыжкам с башен или колоколен, а устройство, используемое смельчаками, во многом схоже было с обычным зонтом.

«О летании и движении тел в воздухе» – так называлась книга гениального итальянского художника, архитектора и ученого Леонардо да Винчи, намного опередившего в своих помыслах и расчетах время. Печальный опыт Икара был учтен, и на страницах книги, вышедший в свет в 1495 году, делался следующий вывод: «Если у человека есть шатер из накрахмаленного полотна, каждая сторона которого имеет 12 локтей⁵ в ширину и столько же в высоту, он может бросаться с любой большой высоты, не подвергая себя никакой опасности».

Как таковое воздухоплавание зародилось в XVIII веке и пальма первенства в нем по праву принадлежит России. Именно поступательное движение в покорении «пятого океана» действительно выдвинуло на повестку дня создание спасательного средства для воздухоплавателей. Хотя бы конспективно отметим основные вехи развития воздухоплавания и парашютизма.

Год 1731-й. В Рязани воеводский подьячий Крякутный соорудил шар, на глазах честного люда наполнил его дымом и на некоторое время оторвался от земли.

⁵ Локоть – 0,6 м, площадь шатра – около 50 м².

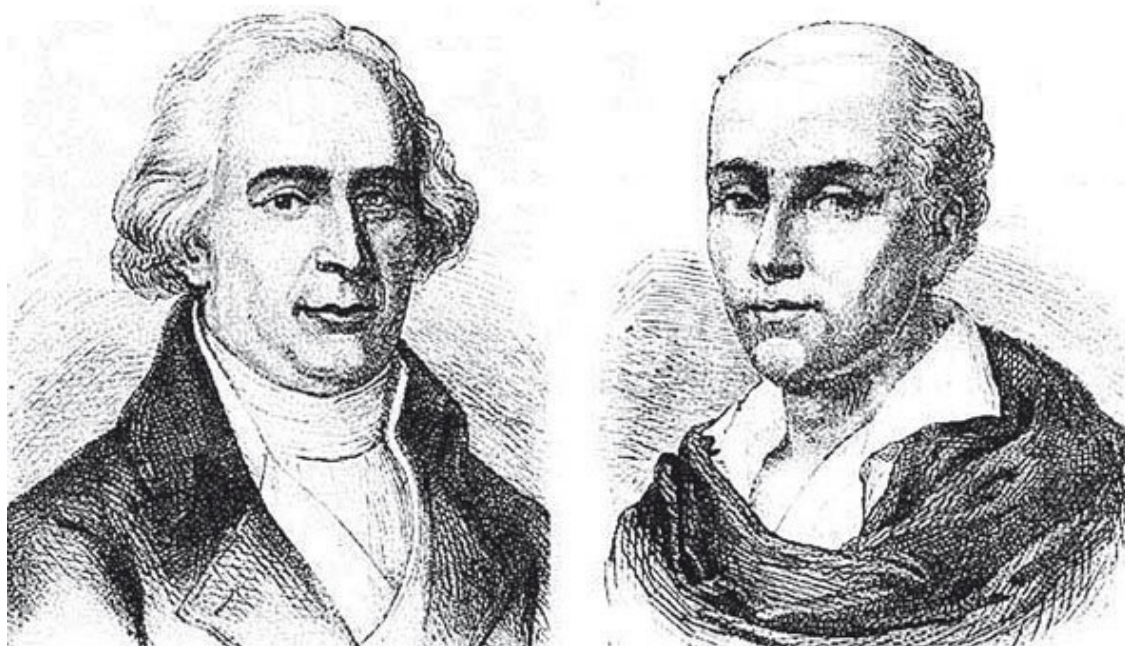

«Дедал привязывает крылья Икару» (худ. П. И. Соколов, 1777).

Полёт Крякутного (рис. И. Кабакова, 1972).

В 1783 году французы, братья Жозеф и Этьен Монгольфье (отсюда и термин «монгольфьеры»), поднялись в воздух на шаре, оболочка которого была наполнена водородом. С первого продолжительного полета стало ясно, что угроза воздушных катастроф реально нависла над отважными монгольфьерами. И тогда им на помощь пришел механик Л. С. Ленорман. Он собственноручно изготовил спасательный прибор, основу которого составляли ивовые прутья, обтянутые полотном. Так изобретение обрело свое название – парашют, т. е. «предотвращающий падение».

Братья Монгольфье: слева – Жозеф, справа – Этьен (гравюра XIX века).

Французы Ж. П. Бланшар и А. Ж. Гарнерен усовершенствовали детище Ленормана и доказали жизнеспособность его изобретения, проведя несколько удачных опытов. 22 октября 1797 года в Париже Андре-Жак Гарнерен совершил парашютный прыжок, который привлек публику в ужас и восторг.

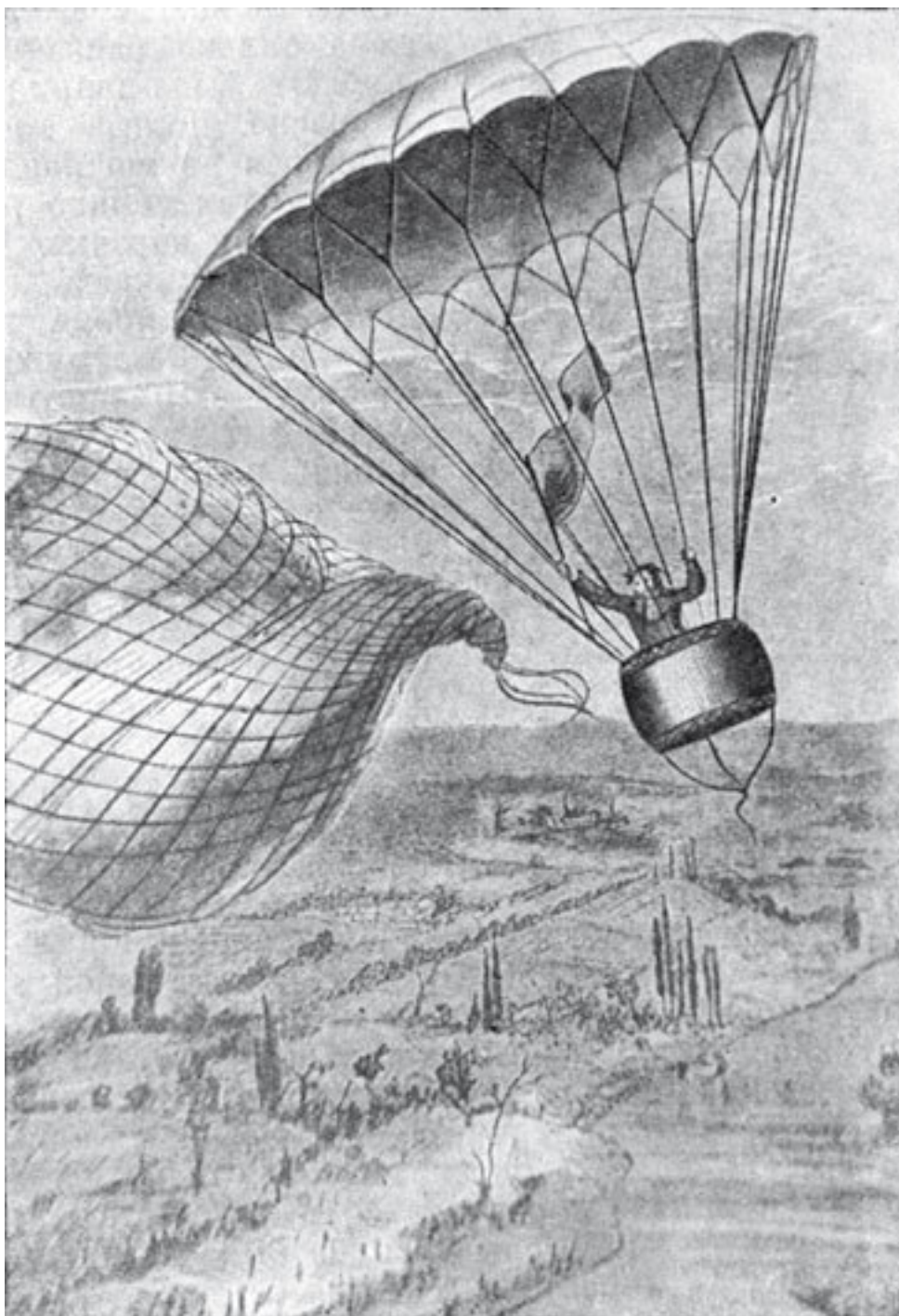
В 1803 году Гарнерен приехал в Россию и на глазах изумленной публики двух российских столиц, Петербурга и Москвы, продемонстрировал возможности не только воздушного шара, но и спасательного средства. Представлял парашют ученик Гарнерена Александр. Зрелище было захватывающим. Восторга и восхищения были преисполнены корреспонденты петербургских и московских «Ведомостей».

Спуск с парашютом с большой высоты долгое время был подобием циркового аттракциона, на который продавали билеты и собирались многочисленные зрители. Подобное зрелище было представлено в 1805 году в Москве французом Мишо.

В 1856 году в журнале «Морской сборник» русский офицер К. И. Константинов, отдавая дань достижениям воздухоплавания, несколько страниц посвятил истории создания парашюта, а уже став генералом и известным инженером в области ракетной техники, написал полноценную статью «О парашютах», которая была опубликована в журнале «Воздухоплаватель» (1880, № 13. С. 117–135). Весной 1882 года на заседании VII Воздухоплавательного отдела Русского технического общества поручик М. Карманов представил собравшимся чертежи и описание «управляемого парашюта». Изображение вызвало неподдельный интерес и Карманову было предложено провести опыты.

Прыжок Ленормана на парашюте с башни обсерватории.

Первый спуск Гарнерена. Парашют сильно раскачивается.

В том же Обществе в 1898 году рассматривался проект парашюта инженера Н. Ф. Ягна. С главной бедой изобретений – устойчивостью парашюта – Ягн справился своеобразно, разделив подкупольное пространство вертикальными матерчатыми перегородками (в отличие от конструкций с полюсным отверстием в куполе). Альберт Репман, некоторое время пребывавший в домашних учителях Н. Е. Жуковского⁶, также избрал свой собственный путь и для устойчивости купола добавил отогнутые матерчатые поля, размещенные по кромке.

⁶ Николай Егорович Жуковский (1847–1921) – русский учёный, создатель аэродинамики как науки. Заслуженный профессор Московского университета, профессор теоретической механики Императорского Московского технического училища (с 1918 г. – Московского высшего технического училища).

Однако ни одно из творений русских инженеров на практике реализовано не было. А между тем в Европе воздухоплавательные представления неизменно заканчивались показательными прыжками. В конце XIX века имя американца Шарля Леру, воздухоплателя и парашютиста, было на слуху «почтеннейшей публики». В июне 1889 года Леру прибыл в Санкт-Петербург и на глазах нескольких тысяч зрителей, которые собрались в саду «Аркадия», а также на набережной Большой Невки и Строгановом мосту, поднялся на несколько сот метров ввысь. Глеб Котельников, наблюдавший за этим полетом, увидел, как бесстрашный аэронавт отделился от трапеции, подвешенной под воздушным шаром, и камнем полетел вниз. За ним потянулся белоснежный шлейф, который превратился в матерчатую грушу. Затем последовал громкий хлопок и над смельчаком раскрылся спасительный зонт. Порывом ветра Леру отбросило от предполагаемого места приземления и он очутился в воде Большой Невки. Парашютиста спасли и встретили громом аплодисментов и восторженных возгласов.

Через несколько месяцев в Ревеле (Таллине) подобный трюк завершился трагически — из воды Леру вытащить не успели...

Если пролистать столичные газеты, которые не обошли вниманием прыжок Ш. Леру, то прежде всего поражает разнополюсность мнений: от восторженных («Какое бесстрашие!») до поражающих нелепостью («У Леру горловое кровотечение, кровь бьет из ушей и носа!»).

Среди публикаций прозвучал и голос злопыхателя: «Прыжки с парашютом – сущий авантюризм и непотребное для почтеннейшей публики зрелище».

Юзеф Маврикиевич Древницкий, которого можно смело назвать пионером парашютизма, совершив не одну сотню показательных прыжков с воздушного шара (монгольфьера) в различных городах Российской империи, воочию убедился, сколь труден путь к признанию. Вот что он рассказал репортеру «Ялтинского вестника»: «С 1892 года я безуспешно боролся с косностью лиц, состоявших у нас во главе официального воздухоплавания, смотревших на спуск с парашютом, как на акробатическое упражнение. Они никак не могли уразуметь, что даже при полном завоевании человеческим гением воздушной стихии необходимо будет иметь спасательный прибор, который смог бы сыграть подобную же роль, какую играют в настоящее время спасательные пробковые пояса на кораблях. Таким спасательным прибором на будущих воздушных кораблях может быть и будет только парашют».

«Через тернии к звездам» – правильность изречения древних и пророчества Ю. М. Древницкого через десять с небольшим лет подтвердит и Глеб Евгеньевич Котельников.

Воздухоплавательный парашют, с которым прыгал Ю. М. Древницкий.

Парашютное дело

В 1905 году в развитии мирового воздухоплавания произошло знаменательное событие. Несколько стран (Бельгия, Франция, Германия, Великобритания, Италия, Испания,

Швейцария и США), где развитие авиации шло бурными темпами, объединились в Международную авиационную федерацию (ФАИ). Цель такого объединения состояла в том, чтобы не только фиксировать достижения и рекорды, но и придать им правовой статус.

В 1908 году в Санкт-Петербурге энтузиасты и новаторы авиационного спорта создали Всероссийский аэроклуб. Слово «Всероссийский» было не пустым звуком, поскольку его отделения имелись в Москве, Киеве, Ревеле (ныне Таллин), Новгороде, Саратове, Одессе и Владивостоке. В этом же году Всероссийский аэроклуб был принят в ФАИ, развил бурную деятельность и значительно расширил географию. Однако сущей бедой российских авиаторов, в честь которых был написан бравурный марш, являлось то, что они вынуждены были летать на арендованных иноземных самолетах. И только летом 1910 года столичный аэроклуб заимел собственный самолет «Фарман».

Весной 1910 года Военное ведомство России приобрело четыре «Фармана» и самолет конструкции братьев Райт, на которых начали обучаться офицеры Учебного воздухоплавательного парка. Располагался он на огромном по размерам поле близ Гатчины. «За какие-нибудь три-четыре месяца у нас образовался уже целый отряд авиаторов, быть может ещё неопытных, но смелых и храбрых», – сообщалось в столичной газете «Новое время». Это

обстоятельство позволило руководству Всероссийского аэроклуба начать подготовку к авиационным соревнованиям. Принять участие в них приглашались только авиаторы России. В программу состязаний также были включены полеты на воздушных шарах и дирижаблях. Состязания получили официальное название «Всероссийский праздник воздухоплавания». В то время аэродром товарищества «Крылья» располагался на Комендантском поле, название которого появилось на карте Санкт-Петербурга ещё во времена Петра Первого.

Достаточно перечислить фамилии некоторых участников и станет ясно, что празднику оказали честь участия знаменитости воздухоплавания, имена которых не сходили с уст россиян. Это – Михаил Ефимов, Сергей Уточкин, офицеры: подполковник С. А. Ульянин, капитан Л. М. Мациевич, лейтенант Г. В. Пиотровский и поручик Б. В. Матиевич-Мациевич. Упомянутые офицеры буквально за несколько дней до праздника прибыли из Франции, где проходили обучение искусству управления «механическими птицами». Парашютная часть праздника была представлена единственным в России воздухоплателем-парашютистом Юзефом Древницким.

Знак Императорского Всероссийского аэроклуба.

Создатель Воздушного флота России Великий князь Александр Михайлович с сыновьями на Первом российском авиационном празднике. Санкт-Петербург, 1910 г.

«Я поехал посмотреть полеты, — вспоминал Глеб Котельников. — День выдался прекрасный. На ипподроме было очень много народу. На старте стояло несколько машин. Вот загудел мотор, и крайняя машина «Райт», на котором летал Н. Е. Попов, пробежав по земляному полю, оторвалась от земли и, поднимаясь всё выше, пролетела над нашими головами».

Такого захватывающего зрелища Петербург ещё не видывал. 8 (21) сентября 1910 года в воздух один за другим поднимались самолеты и кружили над трибунами, где расположились тысячи зрителей. Среди них находился и Глеб Котельников, не пропускавший ни одного показательного выступления. Совершенно случайно неподалеку от него оказался человек, живо комментировавший происходящее и, по всему, глубоко разбиравшийся в тонкостях воздухоплавания. Так оно и оказалось на самом деле. Александр Алексеевич Родных одним из первых в России взялся за систематизацию знаний по развитию авиации. Случайное знакомство Глеба Котельникова с А. А. Родных, как показало время, перешло в крепкую мужскую дружбу и сослужило немалую пользу парашютному делу. Мы вновь обратимся к корреспонденции газеты «Новое время», которая живо освещала воздухоплавательный праздник. «Впечатление — громадное, впервые мы увидели, чего достигла русская авиатика, впервые мы убедились, что среди русских офицеров есть летуны, не уступающие в смелости и умении французам». Среди «летунов», вполне обладавших этими качествами, был и капитан Г. Г. Горшков, с которым через пару лет судьба сведет Глеба Котельникова на поле Воздухоплавательного парка близ деревни Салюзи.

По традиции ежедневные состязания авиаторов открывались и завершались выстрелом пушки. Так начался и день 27 сентября (7 октября). Апофеозом его стал прыжок Юзефа Древницкого. «Секунды, равные жизни!», «Каждый полет – жизнь на карту!» – пестрели заголовками петербургские газеты, вышедшие на следующий день, а далее шли корреспонденции, преисполненные трагического тона: «Мациевич разбился...», «Первая жертва русского воздухоплавания».

Лев Макарович Мациевич погиб, когда ему исполнилось всего тридцать три года. Однако корабельный инженер и капитан Русской армии Л. М. Мациевич, невзирая на молодость, уже успел заявить о себе как талантливый изобретатель. Он буквально напросился в группу офицеров, отправлявшихся в школу Фармана во Францию и прослыл среди товарищей человеком со стальной выдержкой, обладавшим трезвостью в расчетах и необыкновенной мечтательностью. Его жизненный выбор, служение воздухоплаванию, был вовсе не случаен. В его планы входило создать могучий военный корабль, с палубы которого могли

бы взлетать самолеты. Катастрофа, произошедшая на Комендантском поле, напрочь перечеркнула их.

Один из очевидцев описывает ее так: «Нет слов, могущих выразить тот ужас, что охватил всех нас. Что делать? Бежать, спасти, помочь... Кругом меня кричали от ужаса. Секунд десять, а может быть, и вечность было падение. В каком-то оцепенении стояли все и внимательно рассматривали, как человеческое тело, крутясь в воздухе, падало на землю... Потом всё завертелось, все бросились бежать. Страшная картина предстала перед сбежавшимися: исковерканный самолет, а шагах в двадцати от него, среди густой травы, лежащий ничком погибший авиатор. Молча стояли летчики с обнаженными головами у первой жертвы русской авиации...»

Трагедия, которая произошла на глазах Глеба Котельникова, породила множество вопросов. Почему авиатор сидит в летательном аппарате, словно курица на насесте? Почему смельчаки не обеспечены приборами для спасения? «Гибель молодого летчика в тот памятный день, – вспоминал Г. Е. Котельников четверть века спустя, – настолько меня потрясла, что я решил во что бы то ни стало построить прибор, предохраняющий жизнь пилота от смертельной опасности».

Между тем после выяснения причин авиационной катастрофы – в винт самолета попала лопнувшая проволочная растяжка – в прессе развернулась жаркая полемика вокруг надобности оснащения авиаторов парашютом. Абсолютно шокирующим стал вывод, сделанный полковником Н. Ф. Найденовым, который возглавлял комиссию: «Парашют к аэропланам неприменим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.